

Режиссер Евгений Лаврентчук

Труппа под названием Польский Театр в Москве Евгения Лаврентчука существует с 2004 года. И имеет своего зрителя в Литве, в Польше и на Украине. Самого режиссера знают и в российской провинции – он поставил несколько спектаклей в Томске, получил несколько театральных премий, но в Москве, вопреки собственному бренду, играют редко – у театра нет своей сцены. 27 февраля на сцене московского театра «Сатирикон» Польский Театр в Москве представил зрителям премьеру – «Мария Стюарт», после которой я встретилась с основателем, художественным руководителем и режиссером Польского Театра в Москве - Евгением Лаврентчуком.

Е.Л.: ...Подходило к концу мое обучение в ГИТИСе, и я понимал, что никому не буду нужен. А я - очень вольнолюбивый и ни в каком чужом театре служить не хотел. Когда есть свобода, она вдохновляет работать даже при отсутствии гонорара, творческих ресурсов или времени. Поэтому пришлось основать свой театр. Я решил делать только то, что я хочу, на том языке, на котором хочу, а поскольку польский язык – мой родной, я – этнический поляк. Такой постмодернистский ход – русскоязычные актеры учат польский, чтобы играть польскую драматургию на польском языке для русскоязычной публики. Я по образованию – оперный режиссер. В силу

фрагмент из спектакля «Maria Stuart» Польского театра в Москве

фрагмент из спектакля «Снег» Польского Театра в Москве

оперного образования я тяготею к исполнению произведения на языке оригинала. Когда создается такая сложная конструкция – и на лингвистическом уровне, и на уровне формы, музыкального оформления, драматургии – я в этом вижу красоту. Чем талантливее режиссер мешает зрителю усваивать материал, тем многограннее и интереснее становится произведение.

С.П.: Почему именно польская драматургия – она вам наиболее интересна?

Е.Л.: Не могу сказать, что именно польская драматургия мне нравится. Для меня наиболее интересен культурный бэкграунд этой страны. Мне интересно отношение традиции к неоклассике, к авангарду, к революции и к консерватизму. Там возникает какой-то идеальный баланс. Если быть честным, я не могу сказать, что восхищаюсь сегодняшней ситуацией в польском театре. Мы не являемся филиалом польского театра здесь. Наш театр – это попытка быть «Баба Яга – против...». То есть, основав польский театр, я от польских тенденций сегодняшних отрекаться. Наш театр – попытка найти некую инаковость пути.

С.П.: Часть ваших актеров – настоящие польскоязычные поляки. Откуда вы их набрали?

Е.Л.: Из Польши приезжают у меня работать городские сумасшедшие. Вот у нас в «Танго» играет городской сумасшедший, в «Марии Стюарт» играет городская сумасшедшая (смеется).

В этом есть красота, на мой взгляд. Раньше они были знаменитыми польскими актерами, с большой фильмографией. Например, Марта Добош, которая играла шута в Марии Стюарт – звезда польского кино 60-ых.

С.П.: Вы учились у Романа Виктюка. Он, как ваш земляк, каким-то образом помогает вашему театру? Ведь ваша репетиционная база и Школа актерского мастерства находится под одной крышей с его театром в Сокольниках...

Е.Л.: Это произошло помимо нашей с ним воли – договорились между собой наши директора, мало понимая, чем это чревато. И я смирился с мыслью, что пока придется идти бок о бок. Хотя, когда я заканчивал обучение, дал себе слово ничего общего с Романом Григорьевичем не иметь. То есть, не быть под его опекой и не ставить спектакли в его театре, не преподавать на его курсе - под тенью большого дерева мало что растет. Кстати, только после моей постановки «Анны Карениной» в Томске год назад он заметил меня, как творческую единицу. Я был не просто не лучший его ученик, а он мной даже пренебрегал, и, возможно даже, презирал.

фрагмент из спектакля «Танго» Польского Театра в Москве

С.П.: Как вы оцениваете роль эпатажа в вашем творчестве?

Е.Л.: Во все времена любое свободомыслие является фактором эпатажа. Любое творческое высказывание или откровение является эпатажем. Когда люди говорят, что я – скандальный режиссер, значит, они ни черта не понимают ни в культуре, ни в искусстве. Я себя искренне считаю традиционалистом и радикальным миссионером классической формы.

С.П.: Вас приглашали ставить в театр Практика, Центр Драматургии и Режиссуры, Театр.док - на площадки, которые допускают крайнее свободомыслие. Вы отказались – почему?

Е.Л.: Меня сразу смутило, что люди, с которыми мы это обсуждали, путали современность и злободневность. В этом театре делают ставку на злободневное. Это – заведомый проигрыш интернету и телевидению, мир развивается настолько быстро, что любое описание не поспевает за его развитием, а уж театральное – тем паче. Этим мне не очень нравится и современный польский театр, ориентированный на немецкий театр факта. На выхолощенную эстетику соц-арта. А мне в искусстве нравится придумка. То, чем владел, например, Параджанов. Искусство стало очень рациональным. Левое полушарие работает, а правое утратило способность к парадоксальному и к вымыслу. Я вижу, как из кожи вон лезут, чтобы удивить, чтобы развлечь. Но не вижу ни одной новой метафоры.

С.П.: Чем отличается российская публика от европейской?

Е.Л.: Русские, в силу глубоких театральных традиций, на спектакль приходят уже с багажом. Приходят судить – насколько это соответствует авторскому материалу. А в этом все русские «разбираются»! Русские за свою культуру готовы порвать любого, это – неравнодушные. На Западе же, зрители, которые приходят на выставку или на спектакль, авансом дают художнику-творцу некие бонусы. «Мы идем попричастствовать на акте художественного высказывания. Будем мы там, или не будем – от этого ничего не изменится. Он – художник, он а priori имеет право на все. А нас допустили посмотреть». Культура – это всегда то, что дурно пахнет. То, что разлагается. Всегда – падение. Как Луи Арагон говорил: культура – это всегда увядание. Что-то не «благодаря», а «вопреки». Мне трудно выбрать между европейской и российской публикой. Знаете, как говорила Цветаева: «Две вещи ненавижу – голод голодных и сытость сытых».